
Пока вы собирались
Денис Пожидаев
18+

Денис Пожидаев
Пока вы собирались

https://litres.ru/74926972
SelfPub; 2026

Аннотация

Нина Павловна всегда знала, как лучше. Помогала соседям, растила детей, хранила вещи, которые другим давно пора было выбросить.

Теперь дети выросли и собираются немного изменить её жизнь. Обычные семейные выходные: разобрать старое, закончить дела, поговорить о будущем.

Но в привычном порядке появляются странности, которым всё труднее найти объяснение. А вопросы, прежде казавшиеся ненужными, больше нельзя отложить.

Мистическая повесть о заботе, от которой трудно отказаться, и доме, где слишком многое решают за тебя.

Содержание

Пролог. Август 2010 4
Глава 1. Ольга 7
Глава 2. Кирилл 15
Глава 3. Ольга 19
Глава 4. Кирилл 23
Глава 5. Андрей 28
Глава 6. Кирилл 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Денис Пожидаев
Пока вы собирались

Пролог. Август 2010

В то утро отец разбудил его рукой: положил ладонь на плечо и держал, пока Кирилл не открыл глаза.

— Рюкзак собери, — шёпотом сказал он. — Только тихо. Поедем с тобой.

— Куда?

— Потом скажу. Андрюху в девять подними. Олю пока не трогай.

Отец был уже одет, в рабочей куртке нараспашку поверх майки, хотя к восьми утра асфальт у магазина начинал пахнуть смолой. От него пахло бензином и мятной жвачкой, которой он заедал сигареты, когда в очередной раз бросал курить.

Рюкзак Кирилл собирал всерьёз. Фонарик. Три машинки, одна без колеса, зато самая лучшая. «Остров сокровищ» с оторванной обложкой. Подумав, сходил в ванную за зубной щёткой: раз едут, значит, едут.

Отец пил на кухне чай стоя.

— Схожу в гараж, — сказал он. — «Шестёрка» вчера опять не завелась, контакт где-то. Час, самое большее.

В дверях он обернулся:

— Мать спросит — я в гараже.

Мать спросила. Она вышла на кухню в халате, увидела рюкзак у порога и ничего не сказала, только долго на него смотрела. Потом ушла к себе, переоделась и взяла сумку.

— За хлебом, — сказала она. — И молока надо.

Кирилл сел на крыльцо ждать. Солнце переползло с одной половины ступеньки на другую, соседский кот три раза прошёл вдоль забора. В девять, как было велено, Кирилл поднял Андрея. Тот спросонья ничего не понял, сказал слово, за которое мать дала бы по губам, и лёг обратно. Оля встала позже всех, полчаса просидела в ванной и ушла к подружке на соседнюю улицу, сказав, что ей тринадцать и никакие рюкзаки её не касаются.

Мать вернулась к обеду, с хлебом и молоком, и сразу встала к плите.

В десять минут первого в прихожей пискнул телефон Андрея. Андрей вышел, прочитал, прочитал ещё раз и сказал вслух:

— «Не ищите меня. Так всем будет лучше».

Он постоял в прихожей.

— Мам. Это от папы.

Мать выключила газ под кастрюлей. Вытерла руки, сложила полотенце вчетверо и повесила на крючок. Потом вышла на крыльцо и села рядом с Кириллом на ступеньку.

— Папа ушёл, Кирюша, — сказала она. — Сними рюкзак.

Он не снял. Он просидел в нём на крыльце до темноты, пока комары не загнали его в дом. Ночью рюкзак стоял у кровати застёгнутый.

Утром его разобрала мать. Сама, аккуратно, всё по местам.

Глава 1. Ольга

Порог у матери был с секретом: металлическая накладка с отколотым углом цепляла всё, что проносили низко. Ольга знала этот угол с детства, сначала по ссадинам на щиколотках, потом по колготкам, потом по сумкам. Она подняла сумку повыше, перешагнула и только тогда сказала:

— Мам, это я.

— Слышу, что ты. Кто ещё в такую рань.

Нина Павловна вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Невысокая, крепкая, седые волосы коротко острижены, со лба она убирала их мизинцем. В коридоре было тесно от вещей, которым не нашлось места: пакет яблок, стопка газет на табуретке, куртка на крючке поверх другой куртки. Мать первым делом освободила стул: газеты переложила на подоконник, яблоки задвинула ногой под вешалку.

— Клади сюда. Не на пол.

Ольга положила сумку на стул, а пальто, которое везла через локоть, развернула к матери застёжкой, как разворачивала на работе образец перед заказчиком.

— Смотри. Подкладку я подшила, карман зашила, тот, что ты прожгла. Не спорь, прожгла, по краю видно. А пуговицу нашла в твоей коробке. Встала как родная.

Мать потрогала ткань двумя пальцами. Она всегда так трогала вещи, проверяя, не сырые ли.

— Ну спасибо. Сколько я его не носила, полгода?

— С марта. Ты всю зиму в куртке проходила, как студентка.

В прошлое воскресенье Ольга полчаса перебирала материнскую жестяную коробку с синими цветами на крышке, ту самую, что помнила столько же, сколько себя. Пуговицы лежали в ней вперемешку с кнопками, крючками и обмылками портновского мела. Сначала Ольге попалась крупная чёрная, глянцевая. Хороша, но велика, в петлю не пролезет. Потом эта: тёмно-коричневая, с глубоким ободком, с крошечным сколом по краю, если повернуть к свету. К петле она подошла так точно, что Ольга засмеялась.

— Значит, так, — сказала Ольга и сняла куртку. — Завтра дача. Её надо убрать до заморозков, сама ты не потянешь, и про спину мне не рассказывай. Андрюха после смены отоспится и к двенадцати подъедет. Кирилл тоже. А в воскресенье можно съездить в Березинск, посмотреть ту квартиру на Садовой. Я договорилась, покажут.

— Квартиру, — повторила мать.

— Мам, мы же говорили. Не переезжать завтра, а посмотреть. Чтобы ты зимой не ходила к колонке за водой, когда у тебя опять встанут трубы.

— А братьев ты про завтра спросила?

Ольга махнула рукой.

— Если их спрашивать, мы до весны не соберёмся.

Так она говорила на работе мастеру, который тянул с за-

мером, и сама услышала, что сказала это слишком легко. Но мать уже держала пальто на руках.

— Пойдём к зеркалу, — сказала она. — Примерю.

* * *

Зеркало висело в материнской комнате на дверце шкафа и показывало человека целиком, только чуть зеленее, чем на самом деле. Мать надела пальто. Ольга встала у неё за спиной и поправила плечевой шов. Шов лёг ровно, она так и рассчитывала.

— Застегни. Посмотрим, как сидит.

Мать стала застёгивать сверху. Первая пуговица была своя, старая. Вторая новая. На ней пальцы остановились.

До этого мать смотрела в зеркало. Теперь она смотрела вниз, на пуговицу.

Ольга ждала замечания про нитки: шила она чёрными, а надо было, может, коричневыми, в таких вещах мать разбиралась. Замечания не было. Мать стояла и держала пуговицу двумя пальцами за ободок.

— Неудобно, — сказала она наконец.

— Где неудобно? Петля в самый раз.

Ольга потянулась показать, как свободно ходит пуговица, но мать отвела её руку и попробовала расстегнуть сама. Пальцы не слушались. Пуговица выскальзывала, возвращалась в петлю и снова выскальзывала.

— Ножницы дай.

— Мам, ты сначала сними, я тебе...

— Ножницы дай.

Маленькие швейные ножницы лежали в корзинке на комоде, где лежали всегда. Ольга подала. Мать, не снимая пальто, оттянула пуговицу от ткани и подвела лезвия под нитки у себя под подбородком, у самого горла. Ольга не успела ничего сказать. Ножницы щёлкнули, и пуговица осталась у матери в кулаке.

Только после этого мать сняла пальто и бросила его на кровать комком. Вещи она никогда не бросала. Из нижнего отделения шкафа она достала жестяную коробку, открыла, разжала кулак над пуговицами, закрыла крышку и прижала её обеими ладонями.

— Почему ты сразу не сказала, что не нравится? — Ольга услышала, какой у неё стал голос. — Я три вечера сидела. Я подкладку...

— Подкладку хорошо. Спасибо тебе за подкладку.

— Она не тугая. Петля ровно под неё.

— Тугая, Оля. Я свою найду.

Мать сказала это спокойно, почти ласково, и от этого стало ещё обиднее. Ольга подошла к кровати и стала снимать с ткани обрезки ниток по одному, чтобы занять руки. На месте пуговицы остались две крошечные дырочки.

— Ладно, — сказала она. — Твоё пальто.

* * *

Отец Алексей пришёл в десять минут одиннадцатого, как обещал. Мать ещё на неделе позвала его повесить в кухне

крючок для полотенца: старый, отцовский, держался на одном шурупе и раз в месяц выпадал вместе с куском штукатурки.

Ольга открыла. Алексей Борисович был в штатском: старое тёмное пальто, кепка, сумка с инструментом через плечо. Высокий, сутуловатый, борода седее, чем в прошлом году.

— Оля, здравствуй. Нина Павловна дома?

— На кухне. Давайте пальто.

Он разувался, держась за стену, и Ольга сняла с его плеча пальто. Тяжёлое, добротное, сто раз чищенное. Пуговицы крупные, матовые, тёмно-коричневые, все одинаковые. Вторая сверху держалась на честном слове: нитки у основания разлохматились, край у самой пуговицы стёрся.

— У вас вторая сейчас оторвётся, — сказала Ольга, вешая пальто.

— Она лет десять так держится. — Алексей улыбнулся. — Не трогай, а то обидится.

В кармане пальто зажужжало. Он достал телефон, посмотрел, нажал что-то и сунул его в карман брюк.

— По храму. Подождут. — И пояснил, хотя Ольга не спрашивала: — Он у меня с утра на беззвучном, после службы забываю переключить.

На кухне мать показала место, где тридцать лет висел старый крючок. Алексей приложил новый, посмотрел на дверь, приложил ещё раз.

— Если сюда, полотенце будет задевать дверь. Давай чуть левее. Вот так. Попробуй достать.

Мать протянула руку и достала.

Ольга уже открыла рот сказать, что мама всю жизнь вешала здесь и ей так привычно, но мать сказала первая:

— Давай как ты говоришь.

Ольга закрыла рот. Подала Алексею дюбель, потом отвёртку, потом второй дюбель, и больше её помощь не понадобилась. Через десять минут крючок висел. Мать повесила на него полотенце, вытерла руки, повесила снова. Полотенце двери не задевало.

— Поешь хоть, — сказала она Алексею.

— В два крестины, Нина Павловна.

— Ну чаю.

Он сел пить чай, и они заговорили о своём: о Валентине из прихода, у которой внук поступил, о трубах в храмовом доме. Ольга слушала вполуха. Про них двоих в семье вслух не говорили. После смерти жены Алексей стал ездить к матери чаще, чем требовал любой крючок, а мать, когда он сидел у неё на кухне, переставала торопиться. Сначала Ольгу это смущало, потом она привыкла.

* * *

Пока они пили чай, Ольга открыла семейный чат. Он назывался «Мельниковы», и год назад Кирилл поставил на него картинку с котом в каске. Сменить её так никто и не собрался.

«Завтра в 12 все на даче, — написала она. — Перчатки свои, у мамы драные». Подумала, стёрла «все» и написала «кто может». Подумала ещё и вернула «все».

Андрей ответил через минуту:

«Сегодня в ночь заступаю. Утром к маме, посплю. Днём не обещаю».

Кирилл через пять:

«До шести доставки. Вечером в гараж заеду, полку освобожу. Дача — посмотрим».

«Посмотрим» у Кирилла было вежливым «нет». Ольга ответила «ок» и решила, что в субботу опять будет одна, и что это тоже план.

В прихожей Алексей одевался. Мать вышла его проводить и, когда он уже взялся за дверную ручку, остановила его: подвернула концы шарфа, застегнула верхнюю пуговицу пальто и разгладила воротник ладонью.

— Да я сам, — сказал он.

— Продует. — Она довела ладонь до конца воротника и только тогда убрала руку.

Ольга смотрела на них из кухни. Точно так же мать застёгивала её перед школой и на «я сама» не останавливалась.

Алексей ушёл. В окно Ольга видела, как он идёт по улице к старому клубу, где всегда оставлял машину, садится и уезжает.

— Пирожков возьми. — Мать уже заворачивала что-то в полотенце. — С капустой. На дачу.

— Мам, я на дачу на три часа.

— Вот и съешь.

Ольга взяла и поцеловала мать в щёку. Щека была прохладная.

— Я позвоню, — сказала Ольга. — И пальто не выбрасывай. Раз эта тугая, я другую поставлю.

— Не надо, — сказала мать. — Я сама.

Ольга села в машину, повернула ключ и зачем-то посмотрела на дом. Окно материнской комнаты выходило на улицу. Мать сидела на кровати, там, куда бросила пальто, с жестяной коробкой на коленях. Обе ладони она держала на крышке и не двигалась.

«Обиделась, — подумала Ольга. — Это я должна обижаться».

Она выехала на дорогу и не оглядывалась до самого поворота.

Глава 2. Кирилл

Перерыва у Кирилла было сорок минут, и тридцать из них он собирался потратить на одну полку.

Гаражи стояли на краю старого заводского жилья: длинное кирпичное строение на склоне, ряд одинаковых боксов с выгоревшими воротами. Отцовский был третий с края. Ключи мать отдала Кириллу в сентябре и сказала только: «Разбери там, что можно, а что нельзя — не выбрасывай, спроси». Понимать это следовало так, что спрашивать надо про каждую гайку, поэтому Кирилл пока ничего не выбрасывал.

Свою «четырнадцатую» он оставил у ворот и заглушил. В боксе было прохладно и сухо, пахло старым маслом, ржавчиной и картоном. Машины здесь не стояло лет пятнадцать: отцовскую «шестёрку» мать продала, когда Кирилл ещё учился в школе. Голый бетонный пол с тёмным пятном посередине, верстак вдоль одной стены, стеллаж в глубине.

Кирилл привёз коробку: инструмент, моторное масло, запасные лампы, всё, что не помещалось на съёмной квартире, где сосед уже дважды спотыкался о его домкрат. Коробка должна была встать на нижнюю полку стеллажа, а полка была занята.

Он поставил коробку на пол и провёл ладонью по полке: сухо. Подёргал стойку: держится. Отец всё делал на совесть. Это Кирилл помнил лучше, чем отцовское лицо.

На полке лежали банки с винтами, моток провода, стопка журналов «За рулём» за какой-то древний год и тонкая серая папка на тесёмках. Кирилл сдвинул банки и взял папку. Из неё выскользнул лист, Кирилл поймал его на лету и сунул обратно, успев заметить почерк: крупный, кривой, с наклоном не в ту сторону. Отцовский или нет? Отец писал как курица лапой, так мать и говорила, и открытки подписывать поручала Оле.

Читать было некогда. Кирилл отнёс папку в машину и бросил на пассажирское сиденье, дома посмотрит. Вернулся, поставил коробку на освободившуюся полку, отряхнул руки и глянул в телефон. Следующий заказ через двадцать две минуты, на Молодёжной.

Он уже стоял в воротах с ключами в руке, когда за спиной завёлся двигатель.

* * *

Звук шёл отсюда, из бокса. Короткий кашляющий запуск, как будто кто-то дёрнул шнур, ещё один, а потом ровная работа: ту-тук, ту-тук, ту-тук. Казалось, что гудит сам бетон, стены и пол под ногами.

Кирилл первым делом посмотрел на свою машину. Ключ был у него в руке, капот холодный. Он даже наклонился к решётке и послушал.

Потом вернулся в бокс. Пол, верстак, коробка на полке. Мотор такого размера в картонку не спрячешь, но он всё равно заглянул за коробку и под верстак и посветил телефоном

в угол, где стояли старые канистры. Пусто. Звук не приближался и не удалялся, что бы Кирилл ни делал.

Он вышел на проезд и прислушался к соседям. Слева ворота с огромным ржавым замком, их, похоже, не открывали с тех пор, как закрылся завод. Справа чей-то пыльный «Логан» с холодным капотом. Дальше по ряду никого. Где-то лаяла собака, по Заводскому проезду прошёл грузовик.

Кирилл стоял на проезде, а у него за спиной, в пустом боксе, работал мотор, и ритм этого мотора он знал. Кашель на запуске, а потом ровное, чуть хромающее ту-тук. Так стучал старый насос в нижнем ряду, в насосной, куда отец водил его, когда ему было лет семь. «Ступеньки не трогай, Кирюх, скользкие. Смотри, как он воду качает». Внизу пахло сыростью и бензином, насос трясся на раме, отец вытирал руки ветошью и был очень доволен. Кирилл тогда думал, что насос живой.

Нижний ряд был с другой стороны строения, вниз по склону, метра на два ниже. Оттуда звук сюда так не дошёл бы. И насоса того давно не было. Наверное.

Звук оборвался сразу, без того хрипа, с каким глохнет мотор, когда кончается бензин. В тишине Кирилл услышал собственное дыхание.

Он подождал ещё минуту. Ничего. Тогда закрыл ворота, дважды проверил замок, сел в машину и какое-то время сидел, не заводя мотор, глядя на ворота через лобовое стекло.

Приложение пискнуло про Молодёжную.

Кирилл открыл семейный чат и написал: «В гараже что-то с шумом». Посмотрел на это и стёр. Что с шумом? Там ничего не было: ни машины, ни насоса, ни людей.

«Четырнадцатая» завелась, как всегда, со второго раза. Кирилл поехал на Молодёжную. Серая папка подпрыгивала на сиденье на каждой выбоине, и он прижал её ладонью и так и вёл одной рукой до поворота. Вечером, решил он, надо будет заехать и проверить.

Глава 3. Ольга

К часу дня Ольга сгребла листья с половины участка и решила, что заслужила пирожок.

Дача была в садовом товариществе за посёлком, в четвёртом ряду от дороги, и Ольга знала её не хуже материнского дома. Двадцать метров по фасаду, тридцать в глубину, щитовой домик с верандой, бочка под водостоком, старая антоновка, которую мать каждую осень грозилась спилить и каждую осень жалела. От калитки к домику шла прямая дорожка из плитки. Мать положила её почти двадцать лет назад, сразу как купила участок, и гордилась, что по ней можно пройти в туфлях. По обе стороны тянулись грядки, ровные, как строчки в тетради.

Ольга съела пирожок на ступеньке веранды, вытерла пальцы о джинсы и пошла за граблями, которые оставила у яблони.

Слева от яблони, там, где она сегодня ещё не была, кто-то прополол полосу. Не взрыхлил для вида, а прополол до чистой земли. Полоса шла наискось, от яблони к бочке, а не вдоль грядок, и обрывалась шагов через пять, будто работавшего позвали обедать. Земля была тёмная и свежая. Сорняки лежали рядом ровными рядами, один к одному, корнями вверх.

Ольга присела и потрогала край полосы. Земля рассыпа-

лась под пальцами, влажная, коркой ещё не схватилась. Работали сегодня или ночью.

Она оглянулась. На участке никого, за сеткой-рабицей на соседнем тоже. В дальнем ряду стучал молоток.

Утром Ольга начала от калитки и шла к дому: листья у дорожки, листья у веранды, потом пирожок. К яблоне она подходила только поставить грабли, и грабли стояли, как она их поставила, прислонённые к стволу зубьями к себе.

Она обошла полосу и посмотрела с другой стороны. Та же чистая наискосок земля и те же ряды сорняков. Мать сорняки бросала в ведро, а ведро опрокидывала в компост, и Ольга делала так же. Раскладывать выполотое по линейке у них в семье не стал бы никто.

Может, помог сосед. Может, Тамара Ильинична с участка через дорогу, которая вечно лезла с советами и рассадой. Но Тамаре за семьдесят, и полоть чужое без спроса даже для неё было бы слишком.

Ольга достала телефон.

* * *

Мать ответила сразу.

— Мам, ты на неделе на даче была?

— В среду. Смородину смотрела. А что?

— У яблони кто-то полосу выполол. Наискось, от яблони к бочке, до чистой земли. И сорняки рядами разложил, корнями кверху.

В трубке помолчали. На кухне у матери бормотало радио.

— Я не полола, — сказала мать. — Тамару спроси.

— Спрошу. Просто странно. Кто полет чужое и бросает на середине?

— Может, ты сама утром.

— Мам, утром я гребла листья у калитки. Я знаю, где я была.

— Ну значит, не ты. — Голос у матери стал усталый, и Ольга пожалела, что позвонила. — Оставь как есть. Я завтра подъеду, посмотрю.

— Завтра я сама. Ты отдыхай.

— Оля.

— Что?

— Ничего. Перчатки надень, в домике новые лежат.

Мать отключилась. Ольга постояла с телефоном у уха, потом открыла семейный чат.

«Кир, завтра в 12 на даче, — написала она. — Ты обещал помочь с бочкой».

Кирилл ответил не сразу.

«Я не обещал. Я сказал «посмотрим». До двух у меня заказы, в субботу их больше. Спроси сначала, а потом пиши «обещал»».

Ольга набрала «Если тебя спрашивать...» и стёрла. Набрала «Ладно» и стёрла тоже. Убрала телефон в карман и пошла к бочке.

Одна она бочку не перевернёт. Ветки у забора убрать сможет, листья под яблоней сгрести сможет, розы у веранды

укрыть сможет, если мать не передумала и розы живы. Ольга переписала в уме субботу так, чтобы её хватило на одну, и успокоилась.

Выполотую полосу она трогать не стала. Сначала хотела догрести, раз начато, так было бы аккуратнее. Потом представила, как этот кто-то придёт завтра, увидит, что его работу переделали, и обидится. Пусть сначала скажут, кто это был.

Она убрала грабли в домик, повесила на дверь замок и пошла к калитке по плиточной дорожке.

У калитки она обернулась. Солнце вышло из-за облака и легло на участок косо. Очищенная земля у яблони была темнее всего вокруг, и при таком свете было видно, что полоса идёт наискось и огибает ствол, как огибала бы его дорожка. Кривая дорожка от яблони к бочке, которой здесь никогда не было. Сорняки сохли рядами вдоль неё.

Ольга закрыла калитку и пошла к машине быстрее, чем собиралась.

Глава 4. Кирилл

К шести похолодало, на лобовом стекле выступила роса. Кирилл закрыл последний заказ, заехал домой, бросил серую папку на стол среди немытых кружек и поехал обратно к гаражам. Себе он сказал, что забыл там домкрат.

Днём гаражный ряд выглядел заброшенным, а вечером просто пустым. Фонарь на углу то загорался, то гас. Кирилл поставил машину на прежнее место у ворот, заглушил, сунул ключи в карман куртки и проверил, что они там.

В боксе было темнее, чем снаружи. Он нащупал выключатель. Лампа под потолком мигнула и загорелась жёлтым, дальний конец верстака остался в полутени. Коробка стояла на полке, канистры в углу, на полу старое масляное пятно, в которое он днём чуть не наступил. Было тихо.

Кирилл прошёл вдоль верстака и постучал костяшками по задней стене. За ней была капитальная кладка, а за кладкой склон и нижний ряд. Про нижний ряд он знал немного. Метра на два ниже стояла насосная, бетонная коробка с отдельной дверью, через которую весной откачивали воду, когда склон заливало. Насос был кооперативный, следил за ним отец, председатель приплачивал ему какие-то копейки, и ключ от насосной был только у отца. Отец ушёл, и ключ, как говорили, ушёл вместе с ним. Через пару лет по гаражам пошли металлисты, и председатель, чтобы не растащили по-

следнее, заварил насосную вместе с щитовой. Потом кооператив развалился вслед за заводом, электричество в нижний ряд отрезали за долги, нижний ряд каждую весну тонул, и никому не было до этого дела.

Туда Кирилл не пошёл. Он постоял у верстака и провёл пальцем по краю. Отец так делал, когда о чём-нибудь думал: проведёт по металлу, посмотрит на палец, вытрет о штаны. Кирилл не знал, что помнит это, пока не повторил.

Когда он поднял голову, в дальнем конце бокса, в полутени у стеллажа, стоял человек.

* * *

Человек вытирал руки ветошью, неторопливо, палец за пальцем.

— Вы к кому? — спросил Кирилл почти деловым голосом, каким спрашивал на точке выдачи, когда кто-то лез без очереди.

Человек поднял голову и шагнул в свет.

Рабочая куртка, застёгнутая до горла. Короткие волосы, седые на висках. Лица Кирилл потом вспомнить не мог, запомнил только движение: человек сунул ветошь в карман и повёл правым плечом, разминая его. Этим плечом отец водил всю жизнь, с тех пор как сорвал его на погрузке ещё до рождения Кирилла.

Отцу было пятьдесят три. Он был таким же, каким Кирилл видел его в последний раз. Всю жизнь Кирилл представлял его постаревшим, седым, с брюшком, где-нибудь в

другом городе, с другой семьёй, и ошибался: отец не постарел ни на день.

Отец тоже его разглядывал, недоверчиво, долго.

— Кирюха? — сказал он. — Ты чего такой... большой.

В боксе было холодно. При каждом выдохе у Кирилла изо рта шло белое облачко. Отец говорил, и у него изо рта не шло ничего.

От отца пахло бензином. И чем-то ещё, Кирилл не сразу понял чем. Жарой: нагретым асфальтом, пылью, августом.

— Ты где был? — спросил Кирилл.

Спросить он хотел другое. Почему не звонил. Почему не приехал ни на один день рождения. Почему за шестнадцать лет ни одной открытки, хоть кривой, курицей лапой. Вышло только детское, девятилетнее: где был.

Отец посмотрел на него с недоумением.

— Я не уходил, — сказал он.

Кирилл отступил на шаг.

— Кирюх, — отец двинулся к нему, — слушай. Мать...

Кирилл отступил ещё. За спиной был проём ворот, в проёме сумерки и мигающий фонарь. Дальше он слушать не мог. Было страшно, но страшнее было то, что после следующих отцовских слов придётся жить по-другому, а он не знал как.

Отец за ним не пошёл. Остановился там, где кончалось пятно света, и опустил руки.

— Кирюх, — сказал он ещё раз, тише.

Кирилл вышел на улицу.

* * *

Снаружи всё было как обычно: сырой асфальт, пустой проезд, его машина у ворот. Кирилл стоял, держась за холодную крышу «четырнадцатой», пока не перестали трястись колени. Потом достал телефон.

В семейном чате висело Ольгино сообщение, ещё дневное: «У яблони на даче кто-то полосу выполол. Наискось. И сорняки рядами разложил. Мама говорит, не она. Кто-то из вас был?»

Он позвонил ей, и она взяла трубку после второго гудка.

— Оль. Ты сейчас можешь?

— Могу. Что случилось? У тебя голос...

— В гараже. — Он замолчал. Что в гараже? — Я не могу сейчас нормально объяснить.

— Кир. Ты пьяный?

— Нет. — Он посмотрел на ворота. Внутри горела лампа, никого видно не было. — Трезвый. Просто не знаю, как сказать.

— Скажи как есть.

— Там... — Слово «папа» не выговаривалось. — Там странное. Я тебе завтра расскажу, по-человечески. Сам пока не понял.

Ольга помолчала. В трубке шумела дорога.

— У меня тоже странное, — сказала она. — На даче. Ладно, завтра. Ты домой?

— Домой.

— Напиши, как доедешь.

Он пообещал. Чтобы выключить свет, пришлось сделать два шага внутрь, и эти два шага он прошёл, глядя только на выключатель. Закрыл ворота, повесил замок, сел в машину. «Четырнадцатая» завелась со второго раза.

Дома он написал Ольге «доехал» и сел за стол перед серой папкой. Открывать её он не стал. Поставил сверху кружку, чтобы не видеть, и сидел, пока не остыл чай.

Думал он про рюкзак. Как просидел в нём на крыльце тот августовский день до темноты, с тремя машинками и «Островом сокровищ», и ждал, что отец вернётся из гаража через час, самое большее. Как потом мать разобрала рюкзак, и он долго не мог найти фонарик, а нашёл в ящике с инструментами, отдельно, и батарейки из него были вынуты.

Шестнадцать лет Кирилл думал, что отец его обманул: сказал «час» и ушёл насовсем. А сегодня отец посмотрел на него с недоумением и сказал, что не уходил. Завтра он поедет к гаражу снова и на этот раз дослушает.

Глава 5. Андрей

Смену Андрей принимал так же, как раньше принимал товар на базе: сначала бумаги, потом ключи, потом глазами.

От Березинского ремонтно-механического завода к двадцать шестому году осталось меньше половины. Цеха стояли тёмные, с выбитыми стёклами под крышей. Склад на задней площадке ещё работал, какая-то областная фирма держала там трубы и железо, и поэтому завод охраняли: проходную, пост, склад и маршрут вдоль ограды. Остальное было заперто, и в журнале так и писали: «Корпус 2 — закрыт, не обходится».

Дневной сменщик Гена отдал ему связку и расписался.

— Всё тихо. Камеру на воротах протёр, паутина была. Склад закрыт, пломбы целые. Чайник я новый купил, старый не трогай, он током бьётся.

— Понял.

Андрей сверил ключи по описи, двенадцать, все на месте. Пролистал журнал за неделю. Посмотрел в монитор: камера брала ворота, проходную и кусок двора. Комнату отдыха рядом с постом и коридор за ней она не брала. Так было устроено задолго до него.

Телефон Валерия Степановича, старшего, у него был в мобильном, но он переписал его ещё и в блокнот. На базе научили: номер, который может понадобиться ночью, пиши

на бумаге, телефоны садятся.

Работу эту он получил через мать. Мать знала Валерия Степановича с тех пор, когда сама работала здесь в здравпункте, а он был молодым слесарем. Она позвонила, поговорила, и через неделю Андрей вышел на смену. Он был ей благодарен и не мог этого вынести. Тридцать два года, развёлся, с базы сократили, денег до первой зарплаты в обрез, и на работу устроила мама. Поэтому работал он так, чтобы никто не мог сказать, что его взяли зря.

В девять он прошёл маршрут вдоль ограды. Фонари горели только у ворот, дальше светил его собственный фонарик. Наушники он снял ещё на проходной: на объекте надо слышать объект. Слышно было только, как за складом по трассе идут фуры.

Он вернулся на пост, заварил чай и сел с журналом.

* * *

В двадцать три двадцать он пошёл в комнату отдыха за кипятильником, который Гена зачем-то унёс туда, и увидел, что на диване кто-то сидит.

Мужчина лет пятидесяти в рабочей куртке откинул голову на спинку дивана, руки держал на коленях, глаза закрыты. Комната была маленькая, три на три: стол, шкаф и старый диван, с которого никто никогда не сметал пыль.

— Мужчина, — позвал Андрей.

Мужчина открыл глаза сразу, без сонной мути.

— Чего?

— Вы кто? Как вы сюда попали?

— Я здесь работаю. — Мужчина выпрямился и провёл ладонью по лицу. — С ремонтно-хозяйственного. Борис.

— С какого?

— С хозучастка. Ты новенький, что ли?

Андрей присмотрелся. Куртка старая, тёмно-синяя, с накладными карманами, таких давно не выдают, застёгнута на все пуговицы. Пуговицы тёмные, матовые, кроме второй сверху: та была светлее, серая, гладкая, с двумя дырочками вместо четырёх. Пришита не в тон. На базе Андрей так же замечал в ряду одинаковых коробку другого цвета. Он запомнил пуговицу на потом.

— Кто вас пустил? При передаче смены мне про вас ничего не говорили.

— Я здесь работаю, — терпеливо повторил мужчина. — Мне тут подождать надо. Я сыну обещал.

— Посидите, — сказал Андрей. — Я сейчас.

Связь в комнате отдыха не ловила, у поста ловила. Андрей встал у окна поста, откуда были видны двор и ворота, и набрал Валерия Степановича. Дверь в комнату отдыха отсюда видно не было: коридор поворачивал.

Валерий Степанович ответил на шестом гудке, сонный.

— Андрюш? Что там?

— Валерий Степанович, у меня в комнате отдыха посторонний.

— Посторонний? — Голос проснулся. — А, это, может,

чья-нибудь смена, со склада кто. Не буди сменщика, если задремал, пусть сидит.

— Он не спит, — сказал Андрей. — Он отвечал. Я его не знаю, и мне про него не говорили.

На том конце замолчали.

— Как зовут?

— Борис, говорит. С ремонтно-хозяйственного участка.

Молчали дольше.

— Хозучастка с девяносто восьмого нет, — медленно сказал Валерий Степанович. — Ты вот что. Документ у него спроси. Проверь, как положено. Если пьяный или плохо ему, вызывай скорую. Не геройствуй. Утром доложишь.

— Понял.

Андрей вернулся. Дверь комнаты отдыха была открыта, как он её оставил, диван пуст.

Он заглянул за шкаф, хотя туда не поместилась бы и кошка. Дошёл по коридору до поворота, где начинался старый служебный переход в закрытый корпус. Ржавый засов на двери перехода, который он сам проверял в девять, был задвинут с его стороны.

Он вернулся в комнату и положил ладонь на диван, туда, где только что сидел человек. Обивка была холодная и вся в пыли, ровной, серой, нетронутой. Его ладонь оставила на ней тёмный отпечаток. Других следов не было.

Он снова позвонил Валерию Степановичу.

— Ушёл. Я отходил звонить, вернулся — нет. Куда, не

видел.

— Через проходную не проходил?

Андрей посмотрел в монитор. Ворота, проходная, двор, никого.

— Нет.

— Ну... запиши. Как есть запиши. Утром разберёмся.

* * *

Записывал он медленно, отделяя то, что видел сам, от того, что ему сказали, и от того, чего он не знал. Так на базе учили писать акт, когда пропадал товар.

«23:20. В комнате отдыха обнаружен посторонний мужчина, на вид 45–50 лет, в рабочей куртке старого образца. Назвался Борисом, сотрудником ремонтно-хозяйственного участка. На вопросы отвечал. Допуска не имеет. 23:30 — доложено ст. смены Бурову В. С. 23:35–23:40 — посторонний покинул помещение в отсутствие охранника. Направление не установлено. Через проходную (по камере) не выходил. Дверь в корпус 2 закрыта на засов».

Про пыль на диване он писать не стал. Для журнала это был не факт.

Ночь тянулась. В час он снова прошёл маршрут, в три ещё раз, хотя по графику полагалось в четыре. Склад закрыт, пломбы целые. В комнату отдыха он больше не заходил, чай пил на посту, без кипятильника.

В семь пятьдесят пришёл Гена, и Андрей показал ему журнал.

— Борис? — Гена почесал щёку. — Не знаю никакого Бориса. Может, со склада кто, они там ночами бывают. Ладно, гляну.

Андрей сдал ключи, двенадцать по описи, расписался и вышел за проходную. Утро было серое и сырое. На остановке он постоял и решил идти пешком: до матери двадцать минут, а на автобус пришлось бы опять считать мелочь.

* * *

Мать открыла раньше, чем он постучал, видела в окно.

— Заходи, разувайся, там тепло. Каша есть, яйца есть, что будешь?

— Всё буду.

Он сел на кухне, не снимая рабочей куртки. Мать поставила одну тарелку, другую, хлеб, потом протянула руку и поправила ему воротник: тот подвернулся внутрь, а Андрей и не заметил. Мать расправила его и провела ладонью по шву.

— Как отработал?

— Нормально. — Он подумал. — Посторонний был ночью. Ушёл.

— Какой посторонний?

— Не знаю. Борисом назвался. Потом расскажу, мам, я сейчас не соображаю.

Мать пододвинула к нему тарелку. Рукав её домашней тёмно-синей кофты сполз, и Андрей увидел на манжете маленькую плоскую пуговку, светло-коричневую, цвета кофейной крошки. Он помнил её столько же, сколько помнил коф-

ту.

С каждой ложкой из него уходила ночь.

— Ты бы рассказал, — сказала мать.

— Потом. Можно я посплю пару часов?

Мать посмотрела на него так же, как в детстве, когда он приходил с температурой и уверял, что всё нормально, и спорить не стала.

— Иди в маленькую. Я постелила.

Маленькой в семье звали бывшую детскую, где когда-то спали все трое, а теперь сушили бельё и держали банки. Мать застелила диван чистым. Андрей лёг поверх одеяла, скинув только куртку, и положил телефон рядом экраном вниз.

Засыпая, он думал про серую пуговицу с двумя дырочками на тёмной куртке. Потом уснул и проспал без снов до самого обеда.

Глава 6. Кирилл

В субботу он приехал к десяти и минут пятнадцать сидел в машине у гаражных ворот, прежде чем выйти.

Ночью он, как ни странно, выспался. Утром выпил кофе, два заказа из пяти отменил, остальные перенёс на после обеда. Серая папка так и лежала дома под кружкой.

Ворота он открыл сам и свет включил сам. Отец был в боксе: стоял спиной у верстака и перебирал болты в старой жестянке. На звук обернулся.

— Пришёл, — сказал он. Обрадовался, это было видно по тому, как распрямились плечи.

Кирилл остался в воротах, чтобы за спиной был проём.

— Ты вчера сказал, что не уходил.

— Сказал.

— Что это значит?

Отец поставил жестянку на верстак и вытер чистые руки ветошью.

— Меня мать твоя убила, Кирюха.

Сказал без паузы, тем голосом, каким говорил «у меня плечо сорвано».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.